

ФЕДОР АБРАМОВ
ЖИЛА-БЫЛА СЕМУЖКА

*Северная быль
(фрагмент)*

Глава 1

Ее звали Красавкой.

Это была маленькая пестрая рыбка, очень похожая своей золотисто-палевой, в красных пятнышках расцветкой на гольянов – самую нарядную рыбешку северных рек. Вот только голова у Красавки была большая, непомерно толстая, и, наверно, поэтому, те же самые гольяны – их семейка жила рядом, в тихой заводи у берега – никогда не заглядывали к ней на быстринку.

Быстринка – маленькая веточка-протока, оторвавшаяся от пенистого порога. От главной речной дороги, по которой гуляют большие рыбы, ее отделяет серый ноздреватый валун. Сверху валун густо забрызган белыми пятнами – на нем постоянно вертятся трясогузки, а под валуном – промоины, спасительные промоины с холодной ключевой водой. Жарко – ныряй в промоины, разразилась буря-непогодь – и опять выручают промоины. А главное – где бы она укрывалась от врагов?

Врагов много. Враги со всех сторон. Зубастые щуки, рыскающие в прибрежной осоке, огнеперые разбойники окуни, налимы-притворщики, наподобие серых палок залегшие у камней, и даже ерши. Ужасные нахалы! Подойдут скопом к быстринке, развернутся, как для нападения, и стоят – неприступные, ощетинившиеся, выпучив большие синие глазищи.

Поэтому Красавка – ни на шаг от своей быстринки. С утра она ловила букашек и насекомых, которых приносило течением, а затем, если было солнечно, играла: то подталкивала носиком искрометные камешки на дне, то прыгала за изумрудными стрекозами, снующими над самой водой, а иногда ради забавы даже кидалась на какого-нибудь зазевавшегося малька.

Но особенно она любила наблюдать за большими рыбами. Она часами могла смотреть на пляску проворных хариусов в шумном пороге, на стремительный бег красавцев сигов, которые, подобно серебряной молнии, прорезали темные глубины плеса – огромной ямины, начинающейся сразу за валуном.

В общем, ей нравилось свое житье на веселой быстринке.

Но вот наступили темные, хмурые дни – с дождями, туманами, и Красавка затосковала. Солнце теперь показывалось редко, сверху все время сыпались листья, лохматые, разбухшие, и на быстринке было неуютно и сиротливо. А по ночам к валуну стал навеваться обжора налим. Скользкий, безобразно голый, – морда с усищами, – он подолгу шарил под валуном, принюхивался, тяжело сопел. Красавка еще глубже забивалась в промоины и до самого рассвета дрожала от страха. И так – ночь за ночью.

Что делать? Куда податься?

Однажды утром, в который раз размышляя над своей судьбой, она вдруг увидела слева от валуна, на плесе, там, где пролежала главная дорога в реке, огромную, незнакомую ей рыбу. Рыба неторопливо плыла вниз по течению, и когда она изредка взмахивала хвостом, от нее расходились волны. А как она красива была, эта рыба! Тело длинное, сильное, в розовых и золотистых пятнах, могучие темные плавники с оранжевой каймой...

Едва проплыла эта удивительная рыба, как вслед за нею показалась стайка пестряток – таких же цветистых рыбок, как сама Красавка, но только побольше ростом. И что поразительно: пестрятки бежали весело и беззаботно, словно по меньшей мере они находились под покровительством этой рыбы.

Недолго раздумывая, Красавка поплыла им наперерез.

– Скажите, пожалуйста, – очень вежливо обратилась она к ним, – что это за рыба прошла мимо?

– Как, – удивились пестрятки, – ты не знаешь свою родственницу семгу?

– Родственницу? – пролепетала изумленная Красавка. – Значит, и я буду такой же сильной рыбой?

– Ну а как же... Вот еще дуреха! – расхохотались пестрятки. – Да откуда ты взялась?

– Я... я тут, с быстринки...

– Да она сеголеток, – разочарованно сказали пестрятки, – и ни черта еще в жизни не видела. Хочешь с нами на порог?

– А что вы там собираетесь делать?

– Спрашиваешь. Когда семга икру мечет, что делают?

Грубость и высокомерная развязность пестряток покорибили Красавку. Но почему бы ей не присоединиться к ним?

На древесном приплавле у грохочущего порога творились странные вещи. Большая семга, работая плавниками, разрывала мелкую гальку, а рядом с ней хлопалась еще одна семга, поменьше – розоватая, с длинной костлявой головой и уродливым хрящеватым отростком на кончике нижней челюсти. Это, как сказали Красавке, был самец, которого называли крюком.

– Что они делают? – тихо спросила Красавка, с любопытством присматриваясь к семгам.

– Они роют коп – яму, куда откладывается икра.

Пестрятки обошли стороной большую семгу и начали спускаться в шумный, пенистый порог.

– Ой, я боюсь, меня унесет! – закричала Красавка, отчаянно работая хвостиком.

– Да не бойся ты, глупая. Разве такие бывают пороги!

Впрочем, Красавку напугал не столько сам порог, сколько то, что она увидела за горловиной порога. Там, под густыми шапками пены, толпилась крупная рыба: темноспинные хариусы с оранжевыми плавниками, крутолобые, поблескивающие слизью

налимы. Зачем же она ползет к ним в пасть?

Красавка прибилась к стайке пестряток, задержавшихся у небольшого валуна, сбоку стремнины, и стала ждать, что будет дальше.

Тускло мерцало оловянное солнце. В горловину порога со стуком скатывались камешки, выворачиваемые плавниками.

Вдруг вода вокруг – семги уже наполовину зарылись в яму – забурлила, закипела ключом. Семги неистово били хвостами, извивались, с яростью терлись брюхом о древесу.

Пестрятки насторожились.

– Что они делают? – шепотом спросила Красавка.

– Ну и бестолочь! Милуются...

– А зачем?

– Зачем, зачем...

Из-под хвоста большой семги выскользнули веселые оранжевые горошинки, и тотчас же от брюха самца отделилось белое мутное облачко...

Пестрятки стремительно бросились на горошины. Красавке тоже удалось схватить несколько штук.

– Ну как, хороша семужья икра? – спросила ее одна из пестряток.

– Вкусна. Очень вкусна. – Красавка от удовольствия даже помахала хвостиком. – Я еще ничего подобного не ела.

– То-то же!

Между тем, икринки все выкатывались и выкатывались из-под хвоста семги, янтарной цепочкой растекались по течению. Их хватали пестрятки, заглатывали налимы, за ними охотились хариусы. И так продолжалось день и ночь.

Красавка наелась до отвала.

Она была очень благодарна большой семге и решила хоть на словах выразить ей свою признательность.

– У вас очень вкусная икра, – сказала она, осторожно приближаясь к ней сбоку.

– Ты пожирательница своего рода, – прохрипела семга. Глаза у нее были мутные, осовелые, она с трудом ворочала плавниками, и по всему чувствовалось, что она страшно устала.

– Что это значит?

– Я мечу икру – и из каждой икринки должна вырасти семужка. А ты пожираешь своих сестер и братьев.

– Боже мой! Неужели? Простите, пожалуйста. Я не знала.

Несколько секунд Красавка растерянно смотрела по сторонам, затем бросилась усовещивать пестряток.

– Стойте! Остановитесь! Знаете ли вы, что делаете? Вы поедаете своих сестер и братьев.

Пестрятки рассмеялись.

– Чистоплюйка! Вздумала мораль читать. Сама нажралась...

Красавка, опечаленная, вернулась к семге.

– Они меня не послушали.

Семга ничего не ответила. Она выбиралась из ямы.

Крюка уже не было.

Красавка, влекомая любопытством, подплыла к кромке ямы, заглянула в нее. Там, на дресвяном дне, кое-где посеребренном чешуей, лежала горка веселых оранжевых икринок. И казалось, они улыбались, точно радуясь своему появлению на свет. Неужели это правда, что из таких вот крохотулек вылупятся рыбки?

Вдруг в яму посыпались камешки, песок. Красавка с испугом отпрянула в сторону. Большая семга, работая хвостом и плавниками, засыпала коп.

– Послушайте, – вне себя закричала Красавка, – что вы делаете? Ведь икринки погибнут под дресвой.

– Не погибнут, – ответила семга. – Вот если бы я их не засыпала, тогда бы они погибли. Их пожрали бы рыбы. А так икринки будут лежать до весны. Большой водой размочит яму, и из них к тому времени вылупятся маленькие рыбки. Поняла?

– Но почему, – допытывалась Красавка, – вы позволили рыбам поедать икру? Почему вы не отогнали их? Ведь вы такая большая и сильная.

– Ах, ты еще ребенок и ничего не понимаешь. Вот когда ты станешь матерью, ты узнаешь, каково рожать детей. Я измучена, у меня нет сил. Я с трудом двигаю плавниками. А мне еще надо идти в море.

– В море? А это что такое?

– Море... – У семги на мгновение блеснули глаза. – Море – это далеко, очень далеко. И ты еще узнаешь его в свое время.

Выгибая хвост, семга начала разворачиваться. На нее было больно смотреть. Тело ее похудело, высохло и стало плоским, как доска. На брюхе появились кровотокающие ссадины.

Быстрая стремнина подхватила семгу и понесла в пенистую горловину порога.

– Счастливого пути! – крикнула Красавка.

Ей никто не ответил. Ревел порог. На месте недавней ямы, где лежала семга, бугрился маленький холмик, омываемый струйками воды. Пестрятки, отяжелевшие от еды, медленно поднимались вверх по течению.

"Как странно и непонятно устроена жизнь... – думала Красавка. – Зачем пошла семга в море? И что такое море?".

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Жила-была сёмужка : северная быль // Звезда.— 1962.— № 4.— С. 60-73.